

СОВРЕМЕННОКИ ШЕКСПИРА: ВЫЙТИ ИЗ ТЕНИ БАРДА?

Всероссийская научная конференция
15 ноября 2019 г., Москва

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

*Конференция организована при поддержке
[Российского фонда фундаментальных исследований](#)
(проект № 18-012-00679).*

НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ» РАН
Шекспировская комиссия
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт фундаментальных и прикладных исследований
Шекспировский центр
ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА – ГИТИС
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (IAS)
Русская секция
Отделение гуманитарных наук

**СОВРЕМЕННОКИ ШЕКСПИРА:
ВЫЙТИ ИЗ ТЕНИ БАРДА?**

*Всероссийская научная конференция
(Москва, 15 ноября 2019 г.)*

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

*Конференция организована при поддержке
[Российского фонда фундаментальных исследований](#) (проект № 18-012-00679).*

Москва
2019

ББК 83ЮЗ (4 Вел)
Ш41

Редакционная коллегия:

*А. В. Бартошевич (председатель), Б. Н. Гайдин, Н. В. Захаров,
В. С. Макаров, В. А. Рогатин.*

Ш41 Современники Шекспира: выйти из тени Барда? : сб. аннотаций докладов Всероссийской научной конференции. Москва, 15 ноября 2019 г. / ред.-сост. Н. В. Захаров, В. С. Макаров, Б. Н. Гайдин, В. А. Рогатин. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2019. — 48 с.

ISBN 978-5-907194-37-3

Сборник аннотаций докладов Всероссийской научной конференции «Современники Шекспира: выйти из тени Барда?» (Москва, 15 ноября 2019 г.).

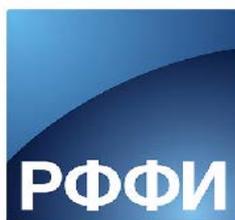
Для всех любителей творчества Шекспира, его современников и последователей, исследователей теории культуры и истории мировой литературы и театра, студентов, аспирантов и преподавателей.

ББК 83ЮЗ (4 Вел)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 18-012-00679).*

ISBN 978-5-907194-37-3

© Шекспировская комиссия РАН, 2019.
© Московский гуманитарный университет, 2019.
© Авторы, 2019.

Информационная поддержка

Информационно-исследовательская база данных «Русский Шекспир»:

www.rus-shake.ru

Информационно-исследовательская база данных «Современники Шекспира»:

www.around-shake.ru

Электронная энциклопедия «Мир Шекспира»:

www.world-shake.ru

Интернет-портал Московского гуманитарного университета:

www.mosgu.ru

Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»:

www.zpu-journal.ru

Электронное научное издание «В. Г. Белинский»:

www.vgbelinsky.ru

Электронное научное издание «Н. Г. Чернышевский»:

www.ngchernyshevsky.ru

Всероссийская научная конференция
«СОВРЕМЕННОКИ ШЕКСПИРА:
ВЫЙТИ ИЗ ТЕНИ БАРДА?»

(15 ноября 2019 г., Москва)

15 ноября 2019 года в Москве впервые в России пройдет Всероссийская научная конференция, целиком посвященная проблемам изучения творческого наследия современников Шекспира в русской и мировой культуре. Не случаен ее подзаголовок, который организаторы этого научного форума вынашивали как идею около десяти лет. «Выйти из тени Барда» — пересмотреть и переоценить взаимоотношения и творческие контакты, взаимное влияние и диалоги между современниками и Шекспиром.

Организаторами конференции выступили Шекспировская комиссия при Научном совете «История мировой культуры» Российской академии наук, Государственный институт искусствознания, Шекспировский центр Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Российский институт театрального искусства — ГИТИС, Отделение гуманитарных наук Русской секции Международной академии наук (IAS, штаб квартира г. Инсбрук, Австрия).

В оргкомитет конференции вошли доктор искусствоведения, профессор главный научный сотрудник сектора современного искусства Запада Государственного института искусствознания, заведующий кафедрой истории зарубежного театра Российского института театрального искусства — ГИТИС, заслуженный деятель науки РФ, председатель Шекспировской комиссии РАН Алексей Вадимович Бартошевич; доктор философии (PhD), кандидат филологических наук директор Шекспировского центра Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (МосГУ), ученый секретарь Шекспировской комиссии РАН Николай Владимирович Захаров, а также члены Шекспировской комиссии РАН: доктор культурологии профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин факультета экономических и социальных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и кафедры философии, культурологии и политологии МосГУ Инна Ивановна Лисович; кандидат филологических наук доцент кафедры германской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного универси-

тета Владимир Сергеевич Макаров; кандидат философских наук начальник научно-исследовательского отдела цифровых технологий Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ Борис Николаевич Гайдин; кандидат педагогических наук доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина Владимир Анатольевич Рогатин.

Английскую литературу конца XVI — первой половины XVII в. мы привычно называем «золотым веком», но в ней обычно видна лишь одна по-настоящему «золотая» фигура — У. Шекспир. У этого давно известного факта есть и своя положительная сторона — Шекспир стимулирует читательский и зрительский интерес к своим современникам, английской литературе и театру. Не удивительно, что их пьесы чаще всего ставят именно в шекспировских театрах — Royal Shakespeare Company и Shakespeare's Globe.

Если в XIX в. в России интерес к современникам Шекспира — прежде всего к К. Марло и другим «предшественникам» — лишь зарождался (тут в первую очередь следует вспомнить переводы «Фауста» и исследования Н. И. Стороженко), то в XX столетии заметны две волны интереса к современникам Шекспира — издательская и филологическая. Вначале в фокусе оказалась елизаветинская и яковианская драма. В 1920-е и 1960-е гг. вышли в свет одно- и двухтомники [Б. Джонсона](#), [К. Марло](#), [Ф. Бомонта](#) и [Дж. Флетчера](#); отдельные пьесы [Дж. Вебстера](#), Дж. Форда, [Т. Деккера](#), [Т. Хейвуда](#). За последние 50 лет этот поток почти прекратился, и на смену ему пришел интерес к поэзии и прозе — [Дж. Донну](#), [Ф. Сидни](#), «метафизикам», [«кавалерам»](#), [Р. Бертону](#) — интерес напрямую не «шекспировский», но держащий в поле зрения Шекспира.

Стоим ли мы на пороге возникновения новой ситуации, когда творчество Шекспира будут рассматривать в диалоге с современниками, а «забытые» авторы получают в России новую жизнь, как Вебстер и Донн в англоязычном мире после критических статей Т. С. Элиота? Как показал опыт прошедшей в 2018 г. [марловской конференции](#) и более раннего интернет-проекта [«Современники Шекспира»](#), существующий академический, читательский, а возможно, и театральный интерес для этого вполне достаточен.

Для обсуждения участникам были предложены следующие проблемы:

- насколько актуален взгляд на того или иного автора как «современника Шекспира»?

- история жанров и взаимовлияние в рамках отдельных произведений и в литературном процессе в целом (драма — памфлет — роман — цикл сонетов и т. д.);
- литература и культура шекспировской Англии в разных видах искусства;
 - «анатомия» жанра и текста;
 - «пристальное» и «далекое» чтение;
 - мейнстримные и альтернативные традиции в литературе и культуре шекспировской Англии;
 - как возникла литературная и театральная репутация в шекспировскую эпоху?
 - рецепция автора и его творчества в разные эпохи, история интерпретаций его произведений;
 - английская культура и европейские традиции;
 - цифровые гуманитарные науки и культура шекспировской Англии;
 - современники Шекспира в России: парадоксы их рецепции в XIX–XXI вв.;
 - как преподавать английскую литературу конца XVI — первой половины XVII в.?

Предлагаем вниманию читателей сборник аннотаций докладов участников конференции на русском и английском языках.

Оргкомитет

*Л. С. Артемьева
(НГПУ им. К. Минина, Нижний Новгород)*

Что такое быть Шекспиром: изображение современников Шекспира в массовой литературе

Один из центральных сюжетов английской и русской массовой литературы — расследование заговора в связи с тайной авторства шекспировских пьес. Несмотря на акцентирование идеи о недостойности Шекспира из Стратфорда быть великим драматургом, именно его фигура оказывается в центре внимания автора, тогда как его современники, предполагаемые авторы, описываются лишь в нескольких словах.

Упорство, с каким современные писатели фокусируются на Шекспире, можно объяснить, во-первых, длительной традицией канонизации Шекспира как Барда, а во-вторых, рекламным ходом: все слышали о Шекспире, но вряд ли кто-то слышал о Кристофере Марло и Эдуарде де Вере.

Интересен выбор едва ли или совсем не литературных кандидатов на роль настоящего Шекспира, таких как 5-й граф Ратлэнд или 17-й граф Оксфорд, исключение — К. Марло. Единственное, что авторы сообщают о выбранных персонажах, — это наличие у них тяги к творчеству, которая может навредить их репутации. Такое положение вещей по сюжету вынуждает их придумать тайный способ публиковать свои произведения. Таким образом, происходит смещение фокуса с художественного вдохновения и литературного таланта на организацию заговора.

Хотя конспирологический сюжет может быть всего лишь инструментом для создания захватывающей истории, конспирологический дискурс, фокус на Шекспире и изображение его современников как типов отражает популярное представление о шекспировских временах, а также о проблеме автора и художественного творения.

*Lyudmila S. Artemjeva
(Kozma Minin NNSPU, Nizhny Novgorod)*

What Does It Mean to Be Shakespeare: Shakespeare's Contemporaries in Pulp Fiction

One of the most popular plots of English and Russian popular fiction revolves around the notorious authorship issue. Despite the usual claim that Shakespeare of Stratford could not have been the real author of the canon and

is unworthy of anyone's attention, he still stands in the limelight while his contemporaries, who allegedly wrote the plays, are barely mentioned.

The persistence with which modern writers focus on Shakespeare could be accounted for, firstly, by the long-lived tradition of canonising Shakespeare as the Bard, and secondly, by a certain marketing strategy: while everyone knows of Shakespeare, hardly anyone has heard of Christopher Marlowe or Edward de Vere.

Interestingly enough, the candidates for this authorship are often not quite or not at all literary persons, to mention such ones as the 5th Earl of Rutland, the 17th Earl of Oxford, with the only real exception of C. Marlowe. Their background information is rather scarce: all that the reader learns about them is that these aristocrats could not help writing drama, but they could not afford to risk their reputation. Thus, they had to come up with a cover story and a mask; this leads to shifting the focus from artistic inspiration and literary talent to orchestrating the conspiracy.

Although a conspiracy plot could be a mere tool for creating a gripping story, its focus on Shakespeare, and portrayal of his contemporaries as mere background figures reflect popular understanding of the Shakespearean times, as well as of issues of the author and of the creative process.

А. Г. Волкова
(КДС, Калуга)

«Храм» Джорджа Герберта: проблема жанра и композиции

Джордж Герберт (1593–1633), младший современник Шекспира, причисленный к кругу поэтов-метафизиков наряду с Джоном Донном (1572–1631), известен прежде всего как автор одного произведения — сборника религиозных стихотворений «Храм» (*The Temple*). Однако до сих пор остается неясным принцип построения поэмы, которая, на первый взгляд, представляет собой собрание стихотворений, различных по объему и смысловой направленности и внешне вроде бы никак не связанных друг с другом. В жанровом отношении стихотворения также различны: среди них можно обнаружить сонеты, оды, элегии, пасторали, переложения псалмов, притом что наполнение стихотворений всегда религиозное. Одна из наиболее правдоподобных версий, касающихся композиции поэмы, связывает структуру произведения Герберта с катехизической подготовкой мирян к Святому Крещению: поэт, будучи

священником Англиканской Церкви, словно воцерковляет катехуменов через свои стихотворения, позволяя им пройти путь от страданий Христа через пасхальную радость к Церкви воинствующей, т. е. земной (стать членами приходской общины). Достаточно большое количество стихотворений посвящено различным добродетелям, что также вписывается в теорию о структуре поэмы как поэтического руководства для крещаемых. Здесь интересно, что Герберт наследует не только традициям англиканского богословия, но и оказывается под влиянием католицизма. Также в данном случае неисследованным и представляющим собой научный интерес остается вопрос о связи поэтического произведения Герберта и его прозаического трактата «Священник — храму» (*A Priest to the Temple*), который до сих пор остается не переведенным на русский язык.

Таким образом, представляется возможным вписать поэму Герберта в религиозный контекст эпохи, раскрыв не только особенности ее построения, но и ее связь с религиозной европейской традицией — как англиканской (протестантской), так и католической.

Anna G. Volkova
(KOTS, Kaluga)

“The Temple” by George Herbert: The Problem of Genre and Structure

George Herbert (1593–1633), a junior contemporary of Shakespeare, one of the metaphysical poets like John Donne (1572–1631) is first of all known as the author of a collection of religious poems — *The Temple*. But the basis of its composition is still unclear. From the first point of view it is a sum of little poems which are different in their size and their sense and not connected with each other. Speaking about genres, these poems are also very different: they are sonnets, odes, elegies, pastorals, and psalms, but always religious. One of the most credible versions about the composition of this poem is that is connecting Herbert’s poem with the catechism preparation of laymen for the Holy Baptism. Herbert, as the priest of the Anglican Church, is leading people through his poems, and they go this way through Christ’s Passions and Resurrection to the Church Militant (so they can become the members of the parish). A lot of poems tell about different virtues; this is also possible when one speaks about this poem as a sermon for catechumens. It is interesting that Herbert not only uses the tradition of the Anglican theology but is also influenced by Catholic theology and principles. There is also one point that

has not been researched: the connection between the poem *The Temple* and Herbert's prose work *A Priest to the Temple* that has not been translated into Russian yet.

So, it is possible to speak about Herbert's poem in religious context of his epoch reading this poem in connection with European religious tradition – not only Anglican (reformed), but also Catholic.

Б. Н. Гайдин
(*МосГУ, Москва*)

**Источники сюжета кинокартины «Урок Фауста» Я. Шванкмайера:
народная легенда, К. Марло, И. В. Гёте***

В докладе будет сделана попытка рассмотреть влияние различных версий легенды о Фаусте на фильм «Урок Фауста» (“Lekce Faust”, 1994) Яна Шванкмайера. Будет представлен анализ отдельных эпизодов, которые наиболее ярко демонстрируют, к каким из известных авторских вариаций на темы истории о немецком докторе мог обращаться чешский режиссер при создании своей кинокартины. По мнению докладчика, соединение народной легенды, трагедии К. Марло, философской драмы И. В. Гёте и других источников с традициями чешского кукольного театра, позволило Я. Шванкмайеру представить современное сюрреалистическое прочтение истории Фауста, в котором режиссер не дает однозначных ответов на вечные вопросы человечества, а побуждает зрителей к поиску собственных решений.

Boris N. Gaydin
(*MosUH, Moscow*)

**Sources of J. Švankmajer's Film “A Faust Lesson”:
Folk Legend, C. Marlowe, J. W. von Goethe***

The paper seeks to examine the influence of different versions of the Faust legend on the movie “A Faust Lesson” (“Lekce Faust”, 1994) directed

* Доклад подготовлен в рамках проекта «Кристофер Марло и его творчество в русской и мировой культуре: междисциплинарный взгляд» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00679).

* The paper was prepared within the framework of the project “Christopher Marlowe and His Literary Heritage in Russian and World Culture: An Interdisciplinary Look” with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 18-012-00679).

by Jan Švankmajer. The author will present an analysis of some episodes that most vividly demonstrate which renditions of the story of the German doctor the Czech filmmaker might have referred to while working on the motion picture. A combination of the folk legend, C. Marlowe's tragedy, J. W. von Goethe's philosophical drama and other sources with traditions of Czech puppet theatre gave J. Švankmajer an opportunity to present a modern surrealist interpretation of the Faust story where the director does not provide unambiguous answers to the eternal questions confronting mankind, but challenges the viewers to search for their own solutions.

А. В. Гук

(ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Москва)

**Шекспир в критических текстах,
поэтических произведениях и переводах М. Кузмина**

Творчество У. Шекспира было знаковым для М. А. Кузмина, включая критические работы поэта и его переводческую деятельность. В докладе мы проследим, как эпоха Шекспира повлияла на творческую жизнь поэта. Характеризуя свои культурологические пристрастия, автор Серебряного века писал: «...с одной стороны, я люблю итальянских новеллистов, французские комедии XVII–XVIII вв., театр современников Шекспира, Пушкина и Лескова. С другой стороны – некоторых из нем<ецких> романтических прозаиков (Гофмана, Ж. П. Рихтера, Платена)...»¹. В своих критических работах Кузмин часто обращается к авторитету Шекспира: и когда комментирует постановки пьес данного автора («Много шума из ничего», «Двенадцатая ночь» и др.), и когда страстно описывает постановки современных художников слова. «...мы боимся, как бы отсутствие аксессуаров не лишило сцены той жизненной прелести, той пленительной точности, которой проникнуты комедии Шекспира и итальянские новеллисты»², – пишет Кузмин в заметке «Драматический театр В. Ф. Комиссаржевской. Сезон 1906–1907 г.». Шекспир становится мерилем многих явлений культуры: и театральных, и поэтических. Так, в заметках «Чешуя в неводе (только для себя)»,

¹ Цит. по: Богомолов Н., Малмстад Дж. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. СПб. : Вита Нова, 2007. 560 с. С. 223.

² Кузьмин М. А. Проза и эссеистика : в 3 т. / сост., подгот. текстов и коммент. Е. Г. Домогацкой, Е. А. Певак. М. : Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. 768 с. С. 421.

Кузмин пытается дать характеристику времени Шекспира: «Все время Шекспира — невиданной больше нигде экзальтации, отражавшей, вероятно, несколько и общество»¹. И отдельную работу посвящает героине драмы «Отелло» — Дездемоне: «...Дездемона стоит особняком среди героинь Шекспира, более сложная, странная, почти демоническая в своей белизне. <...> Дочь Венеции, “хитрая венецианка” с крашеными золотистыми волосами, энергичная, смелая, почти ребенком сумевшая обмануть отца и почтенных сенаторов, бойкая на речь, несколько тяжеловатая, Дездемона напоминала женщин Карпаччо или мужественных бобелин Тинторетто»². Известно, что Кузмин имел свой взгляд на переводческую деятельность. К сожалению, его переводы сонетов Шекспира не сохранились. А вот пьесы Шекспира в интерпретации Кузмина дошли до современного читателя.

Поэтические произведения также включают имя великого английского автора, а его герои — становятся героями произведений Кузмина (например, в «Леске» (1922)).

Anna V. Gik

(V. V. Vinogradov RLI, RAS, Moscow)

Shakespeare in Critical Texts, Poetic Works and Translations by M. Kuzmin

Shakespeare's work was a landmark for M. A. Kuzmin, including critical reviews written by the poet and his translations. In the present paper, we look into the way Shakespeare's time influenced the creative life of the poet of the Russian Silver Age. Describing his cultural preferences, the Russian author wrote, "...on the one hand, I love Italian novella writers, French comedies of the 17th-18th centuries, the theater of Shakespeare's contemporaries, Pushkin and Leskov. On the other hand, some of the German Romantic novelists (Hoffmann, J. P. Richter, Platen)..."³ In his critical works, Kuzmin often refers to Shakespeare's authority: when commenting on productions of the plays of this author (*Much Ado about Nothing*, *Twelfth Night*, etc.), or when he passionately reviews productions of contemporary dramatic works. "...we

¹ Там же. С. 365.

² Там же. С. 185.

³ Cited in: Bogomolov N. and Malmstad J. *Mikhail Kuzmin: iskusstvo, zhizn', epokha* [Mikhail Kuzmin: Art, life, epoch]. St. Petersburg : Vita Nova Publ., 2007. 560 p. P. 223. The translation into English is by Anna V. Gik.

are afraid that rejecting all scenic accessories may deprive our stage of the specific life charms and fascinating precision that permeated Shakespeare's comedies and Italian novellas,"¹ Kuzmin wrote in the article *The Komissarzhevskaya Drama Theatre: Season of 1906/1907*. For him, Shakespeare becomes a touchstone of many cultural phenomena, both theatrical and poetic. Thus, in his notes, *Fish Scales in the Net (Talking to Myself)*, Kuzmin attempts to characterize the time of Shakespeare: "Shakespeare's whole epoch showed unprecedented exaltation, partly reflecting the society as such."² He also devoted an essay to the heroine of *The Tragedy of Othello*: "...Desdemona stands out among the heroines of Shakespeare, as one more complex, strange, and nearly demoniac in her whiteness. <...> The daughter of Venice, the 'sly Venetian girl', with her hair dyed golden, energetic and bold, almost child-like, who managed to deceive her father and all the noble senators; glib in speech, but somewhat heavy, Desdemona reminds of Carpaccio's female heroines and the self-sufficient 'Bouboulinas' of Tintoretto." It is known that Kuzmin developed a consistent approach to literary translation. Unfortunately, his translations of Shakespeare's sonnets have not survived. Nevertheless, Kuzmin's interpretations of Shakespeare's plays have reached the modern reader.

In M. Kuzmin's original poems and fiction, we also find references to the great English author, and some of his characters migrated to Kuzmin's narrative poems (e.g., in the poem of 1922, *The Little Grove* ("Lesok")).

Е. Н. Гринина

(СПбГАИЖСА им. И. Е. Репина, Санкт-Петербург)

Пьесы У. Шекспира в жанре квест.

Эксперименты петербургских художников драматического театра

Квест как жанр компьютерной игры, появившийся во второй половине прошлого века, сегодня вышел за рамки виртуального мира и оформился в самостоятельный жанр интерактивного действия. Квест-технологии все чаще применяются в сфере развлечений для различных возрастных групп с разнообразным способом вовлечения аудитории в процесс игры. Популярны в последнее время иммерсивные выставки и

¹ Kuzmin M. A. *Proza i esseistika [Prose and essays]* : in 3 vols. / coll., prepared and comm. by E. G. Domogatskaia and E. A. Pevak. Moscow : Agraf Publ., 2000. Vol. 3: *Esseistika. Kritika. [Essays. Criticism]*. 768 p. P. 421.

² Ibid. P. 365.

шоу являются в определенной степени также формой интерактивного общения с аудиторией. Формат развлечения в жанре квест активно стал использоваться российскими театральными режиссерами и художниками. Понятие «иммерсивный спектакль» уже стало привычным для современного зрителя и оформилось в самостоятельный жанр театрального представления.

В докладе рассматривается квест как форма театрального действия и то, как современные театральные художники, находясь в рамках нового жанра, создают образное решение спектакля по пьесам У. Шекспира в пределах сценической коробки или, используя альтернативные пространства. На примере выставки-квеста «В предлагаемых обстоятельствах. Romeo and Juliet» и иммерсивной выставки «Гамлет. Аттракцион / Hamlet. Attraction» в музее Анны Ахматовой (Санкт-Петербург) будет предпринята попытка доказать, что формат подобных «перформансов» представляет собой в первую очередь театрализованное действие, и выявить особую роль художника в оформлении и режиссуре заданного пространства. Также будут проанализированы постановки петербургских драматических театров последних лет, прямо или косвенно обращающихся в интерпретации шекспировских сюжетов к жанру квест («Гамлет.QUEST» в театре им. В. Ф. Комиссаржевской, «Комната Шекспира» в театре им. Ленсовета). В докладе исследованы тенденции развития драматического театра начала XXI века на пути к интерактивному общению с публикой, рассмотрены художественные приемы, используемые театральными художниками для достижения этой цели.

Elena N. Grinina

(Ilya Repin SPbSAIFASA, St. Petersburg)

Shakespeare's Plays Performed as Quests. Experiments of St. Petersburg Stage Designers

Quest-like technologies are increasingly being used in the entertainment sector for various age groups, with a variety of methods of engaging the audience in the game process. Popular immersive exhibitions and shows have become a form of interactive communication with the audience. The concept of an immersive performance is already familiar to the modern spectator and has taken shape in an independent genre of theater performance. The paper examines the quest as a form of theatrical action and demonstrates how Russian stage designers, working in the framework of this new genre in

modern theater, create new art versions on the basis of W. Shakespeare's plays.

We analyze an exhibition quest, *Under the Circumstances. Romeo and Juliet*, and an immersive exhibition *Hamlet. Attraction*, organized in Anna Akhmatova's Museum at the Fountain House (St. Petersburg), intending to show that the format of such performances is primarily theatrical action; we also focus on the special role of the set designer in the design and manage of space. We also look at recent performances in St. Petersburg drama theaters, directly or indirectly referring to the quest genre in their interpretation of Shakespearean tales (*Hamlet. QUEST* at the Komissarzhevskaya Drama Theater, *Shakespeare's Room* at the Lensovet Theater). The paper examines the development trends of Russian drama theaters in the early 21st century, on their way to interactive communication with the audience, as well as the artistic techniques used by theater set designers for achieving this goal.

Л. В. Егорова
(ВоГУ, Вологда)

Роберт Саутвелл. Возвращение

Англоязычные литературоведы не скрывают, что Роберта Саутвелла (1561–1595) заставили замолчать дважды: сначала — тюремным заключением, пытками, казнью; затем — забвением. Долгое время он был представлен в антологиях (в том числе Нортоновской) только «Пылающим младенцем» — со словами Бена Джонсона, что он отказался бы от многого, им написанного, чтобы создать это стихотворение. Тем ощутимее сейчас «выдержанный» интерес и пристальное внимание к влиянию, оказанному Саутвеллом на английскую поэзию.

В 1954 г. Луис Марц показал, как Саутвелл привнес практику религиозной медитации — вплел ее в елизаветинскую лирику¹.

В 1999 г. на «невидимое влияние» Саутвелла указывает Алисон Шелл. Книга выявляет, как посмертная публикация «Сетований Петра» (1595) дала новое направление сакральному стиху².

¹ Martz L. L. The poetry of meditation. New Haven, CT : Yale University Press, 1954. 375 p.

² Shell A. Catholicism, controversy and the English literary imagination, 1558–1660. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. xi, 309 p.

В 2003 г. Скотт Пиларз подчеркивает нерасторжимую связь творчества Саутвелла с его иезуитской миссией спасения человеческих душ¹.

В 2006 г. Анн Суини уточняет видение «английского лирического ландшафта», которому, по Саутвеллу, недоставало моральной правды и космического порядка².

В 2018 г. Гари М. Бушар анализирует, как и какое влияние Саутвелл оказывает на английскую поэзию — «университетские умы» и Шекспира, Джорджа Герберта и Джона Донна, Ричарда Крэшо и Джерарда Мэнли Хопкинса³.

О том, что за инициалами посвящения «Сетований Святого Петра» — W.S. — мог стоять Шекспир, в 1872 г. писал А. Б. Гросарт, редактор собрания сочинений Саутвелла.

Его мысль в XX веке поддержали Кристофер Делвин, Ричард Уилсон. В 2008 г. Джон Клаузе продемонстрировал свой способ прочтения Шекспира — различения в его строках отголосков Саутвелла⁴.

Liudmila V. Egorova

(VoSU, Vologda)

Robert Southwell: To Step Out of the Shadows

Literary scholars point out that Robert Southwell was silenced twice: first by means of imprisonment, torture, execution, and then by centuries of neglect. In verse anthologies, he was represented mainly by *The Burning Babe* (cf. *The Norton Anthology of English Literature*). In recent years, a growing number of scholars have been closely reading Southwell and discussing his influence on English poetry.

In 1954, Louis Martz in *The Poetry of Meditation*⁵ revealed Southwell's bringing of the religious meditation practice into poetry. In his words, Southwell 'weaved' a new 'webbe', blending religious meditation with Elizabethan lyric.

¹ Pilarz S. R. Robert Southwell and the mission of literature, 1561–1595: Writing reconciliation. Aldershot, Hants ; Burlington, VT : Ashgate, 2003. xxxi, 300 p.

² Sweeney A. R. Robert Southwell. Snow in Arcadia: Redrawing the English lyric landscape, 1586–95. Manchester : Manchester University Press, 2006. x, 316 p.

³ Bouchard G. M. Southwell's sphere: The influence of England's secret poet. South Bend, IN : St. Augustine's Press, 2018. 234 p.

⁴ Klause J. Shakespeare, the Earl and the Jesuit. Madison, NJ : Fairleigh Dickinson University Press. 339 p.

⁵ Martz L. L. *The poetry of meditation*. New Haven, CT : Yale University Press, 1954. 375 p.

In 1999, Alison Shell first referred to Robert Southwell as 'the invisible influence' in her book *Catholicism, Controversy and the English Literary Imagination, 1558–1660*¹. She argued that the posthumous publication of *Saint Peter's Complaint* (1595) gave a definitive new direction to sacred verse and helped to create a climate in which non-biblical religious poetry was becoming increasingly acceptable.

In 2003, Scott Pilarz in *Robert Southwell and the Mission of Literature, 1561–1595: Writing Reconciliation*² directed attention to the impossibility of separation of Southwell's work from his Jesuit mission of saving souls.

In 2006, Anne R. Sweeney in her *Robert Southwell. Snow in Arcadia: Redrawing the English Lyric Landscape, 1586–95*³ specified the vision of 'the English poetic landscape', with its 'lack of moral truth and cosmic order,' according to Southwell.

In 2018, Gary M. Bouchard in *Southwell's Sphere. The Influence of England's Secret Poet*⁴ showed Southwell's major influence on English poetry – the University Wits and Shakespeare, George Herbert and John Donne, Richard Crashaw and Gerard Manley Hopkins.

In his 1872 edition of Southwell's poems, Alexander B. Grosart first suggested that there was a personal connection between Southwell and Shakespeare, indicated by the dedication of *Saint Peter's Complaint* 'to my worthy good cousin, Master W.S.'

In the 20th century, this suggestion was developed by Christopher Delvin, Richard Wilson. In 2008, John Klause in *Shakespeare, the Earl and the Jesuit*⁵ demonstrated his ways of hearing Southwell's voice in Shakespeare's works.

¹ Shell A. *Catholicism, controversy and the English literary imagination, 1558–1660*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. xi, 309 p.

² Pilarz S. R. *Robert Southwell and the mission of literature, 1561–1595: Writing reconciliation*. Aldershot, Hants ; Burlington, VT : Ashgate, 2003. xxxi, 300 p.

³ Sweeney A. R. *Robert Southwell. Snow in Arcadia: Redrawing the English lyric landscape, 1586–95*. Manchester : Manchester University Press, 2006. x, 316 p.

⁴ Bouchard G. M. *Southwell's sphere: The influence of England's secret poet*. South Bend, IN : St. Augustine's Press, 2018. 234 p.

⁵ Klause J. *Shakespeare, the Earl and the Jesuit*. Madison, NJ : Fairleigh Dickinson University Press. 339 p.

Н. В. Захаров
(МосГУ, Москва)

К. Марло и развлекательно-познавательная туриндустрия*

Данный доклад — попытка рассмотреть творческое наследие К. Марло с позиции зарождающегося культа драматурга, возможного становления феноменов «марловианской индустрии» и «марлосферы», которые включают в себя эксплуатацию всего, что связано с самым знаменитым поэтом своего времени в развлекательной индустрии, образовательных и туристических отраслях.

Nikolay V. Zakharov
(MosUИ, Moscow)

C. Marlowe and Edutainment Tourist Industry*

This paper is an attempt to examine the creative legacy of Christopher Marlowe from the perspective of the emerging cult of the playwright, as well as the possible development of such phenomena as the “Marlovian industry” and the “Marlovian sphere”, which include the exploitation of everything connected with the most prominent poet of his time in entertainment industry, educational and tourism sectors.

Д. А. Иванов
(МГУ, Москва)

Психология мести в «Испанской трагедии» Т. Кида и трагедии «Тит Андроник» У. Шекспира

В «Испанской трагедии» Т. Кид прибегает к приему, почерпнутому у Сенеки: вводит в свою пьесу представителей Аида, заинтересованных в том, чтобы изначальное преступление — убийство дона Андреа — не осталось безнаказанным. Приговор дону Бальтазару, сразившему Андреа на поле боя, выносит сама Прозерпина. Тем не менее, воздаяние настигает Бальтазара не сразу и не простым путем: сперва Бальтазар,

* Доклад подготовлен в рамках проекта «Кристофер Марло и его творчество в русской и мировой культуре: междисциплинарный взгляд» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00679).

* The paper was prepared within the framework of the project “Christopher Marlowe and His Literary Heritage in Russian and World Culture: An Interdisciplinary Look” with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 18-012-00679).

подстрекаемый Лоренцо, совершает еще одно, на этот раз тайное преступление — убивает своего победителя и соперника Горацио. Преступниками движут подчеркнуто земные страсти: зависть, ревность, обида, честолюбие. Отец убитого, маршал Иеронимо, переживает горе на ином психологическом уровне. Его — человека уравновешенного, в силу возраста уже неподвластного страстям — охватывает безумие. Окружающие принимают безумие за слабость героя, однако оно трансформирует Иеронимо в идеальную машину для мщения: вместе с Бель-Империей они жестоко мстят убийцам Горацио, выполняя, таким образом, волю — или пророчество — Прозерпины.

Шекспир воспроизводит схему, найденную у Кида, но существенно ее трансформирует. В его ранней трагедии пленные готы не понимают смысла ритуального убийства старшего сына царицы Таморы — торжественное жертвоприношение они принимают за личную месть со стороны Тита Андроника и решают, в свою очередь, жестоко отомстить. Шекспир усложняет набор психологических мотивировок за счет введения в пьесу мавра Арона — негодяя по своей сути, всегда готового творить зло (фигура, близкая к образу Порока из поздних моралите). Поддавшись влиянию гóтов, Рим становится ареной разрушительных страстей. Но под ударами врагов Тит, как и Иеронимо, психологически меняется. Преображенный горем и безумием, Андроник задумывает и осуществляет нечеловечески жестокую месть.

У пьесы Шекспира есть важное отличие от пьесы Кида: здесь отсутствует сверхъестественный план, боги в мире «Тита Андроника» молчат. Источник психологического импульса, превратившего идеального римлянина в чудовище, от зрителей скрыт. Мы полагаем, это отличие объясняется, в том числе, разницей источников: Кид при сочинении «Испанской трагедии» опирался на Сенеку, Шекспир при работе над «Титом Андроником» ориентировался на Эврипида, автора трагедии «Гекуба». Тем самым Шекспир по-новому поставил вопрос о моральной ответственности своего героя.

Dmitry A. Ivanov
(MSU, Moscow)

Psychology of Revenge in Thomas Kyd's "The Spanish Tragedy" and William Shakespeare's "Titus Andronicus"

Kyd exercises in *The Spanish Tragedy* a method borrowed from Seneca: he brings into his play ghosts from Hades whose aim is to see that the initial

crime – the murder of Don Andrea – would not remain unpunished. None other than Proserpina dooms Balthazar for killing Don Andrea in battle. But the retribution does not follow soon, nor does it come in a simple way. At first, Balthazar, being stirred up by Lorenzo, commits another crime, this time a secret one. He kills Horatio, his victor and rival. Those are pronouncedly earthly passions that induce the criminals: envy, jealousy, resentment, ambitions. Hieronimo, the father of the killed, suffers his grief on a different level. Being an even-tempered man, elderly enough to be stirred by mere passions, he goes mad. People mistake his madness for weakness, but it transforms Hieronimo into an ideal revenge machine. He and Bel-imperia both avenge Horatio cruelly on his killers, thus implementing Proserpina's will or prophecy.

Shakespeare follows Kyd's lead but transforms his scheme fundamentally. The Goths of his early tragedy cannot understand queen Tamora's elder son's ritual killing. They mistake a solemn sacrifice for Titus Andronicus' vengeance and are determined to take brutal vengeance on him. Shakespeare complicates a set of psychological statements by introducing into his play Aaron the Moore – a scoundrel, ready to do evil much like the Vice of old moral plays. Falling under the Goths' influence, Rome itself becomes the scene of destructive passions. But suffering his enemies' cruelty, Titus goes through psychological changes, much like Kyd's Hieronimo. Being transformed by woe and madness, Andronicus conceives and implements inhumanly harsh revenge.

Shakespeare's tragedy differs from Kyd's in discarding a supernatural dimension. Gods in *Titus Andronicus* are silent. The dramatist conceals from the audience the source of a psychological impulse that turns an ideal Roman into a monster. We believe the reason is that Kyd and Shakespeare have different origins for their plays. As the author of *The Spanish Tragedy*, Kyd relied on Seneca, while Shakespeare in his *Titus Andronicus* followed Euripides' *Hecuba*. Thus Shakespeare re-examined the issue of his hero's moral responsibility.

В. А. Ковалев
(СПбГУП, Санкт-Петербург)

**Республика на сцене, монархия в зале.
Формирование неоримского дискурса и
«Поругание Лукреции» Томаса Хейвуда**

Пьеса Томаса Хейвуда «Поругание Лукреции» менее известна, чем другие произведения этого автора. Тем не менее, она представляет значительный исследовательский интерес, поскольку в ней нашли свое отражение образы, популярные среди «оппозиции» раннестюартовскому абсолютизму. Находясь в контексте «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия», сюжеты, связанные с тираническим правлением, нарушением правосудия и справедливого социального устройства, а также республиканскими доблестями, были своеобразной апелляцией додинастической елизаветинской знати к «золотому веку» и свободе в том ее понимании, которое можно найти у ранних представителей неоримского дискурса — Джона Харрингтона, Марчмонта Нидэма, Николо Контарини. Довольно неожиданным может казаться сочетание шекспировской формы произведения, многие персонажи которого кажутся сошедшими со страниц трагедий Уильяма Шекспира и явно антиабсолютистской риторики, столь нехарактерной для него. Шекспировская поэтика и персонажи становятся для Хейвуда скорее формой, в которую вливается неоримские смыслы. Показательно и расхождение между акцентами, расставленными в пьесе Хейвуда и в аналогичной поэме Шекспира — с учетом, разумеется, разницы жанров. Хейвуд «деперсонализирует» Лукрецию, превращая ее трагедию в размышление о правильном политическом устройстве и свободе. Можно говорить не только о серьезнейшем влиянии шекспировских текстов на Хейвуда, но и своеобразной полемике с «Юлием Цезарем» Шекспира, сходство с которым присутствует даже в самой структуре произведения — в частности, смерть заглавного героя не завершает пьесу, а только запускает механизм, ведущий к развязке. В докладе приводятся фрагменты трагедии Хейвуда в авторском переводе докладчика, [перевод первого акта](#) также представлен участникам конференции.

Victor A. Kovalev
(SPbUHSS, St. Petersburg)

**Republic on Stage, Monarchy in the House:
Construction of the Neo-Roman Discourse and
Thomas Heywood's "The Rape of Lucrece"**

Thomas Heywood's play *The Rape of Lucrece* is less known than his other dramatic works. Nonetheless, it is very interesting due to its reflection of the images popular among the "opposition" to the Early Stuart absolutism. The context of the Machiavellian *Discourses on Livy* frames the main plot, filled by tyrannicidal rhetoric, violation of justice, fair social structure and republican virtues; all these were a kind of invocation of the Golden Age by pre-dynasty Elizabethan nobility. They also appeal to the concept of liberty founded by the early neo-Roman republican discourse of John Harrington, Marchamont Nedham, Nicolo Contarini. The combination of the Shakespearian pattern and similarity of Shakespeare's and Heywood's characters with anti-absolutist rhetoric may be rather surprising. Shakespeare's poetry and characters provided Heywood with a frame to fill it with neo-Roman ideas. Also, there is remarkable distinction between Heywood's tragedy and Shakespearean narrative poem, partially due to difference between their genres. Heywood "depersonalized" Lucrece, transforming her tragedy into a discourse of a just political system and liberty. It can be considered not only as Shakespeare's influence on Heywood, but also as a counter-thesis to Shakespeare's *Julius Caesar*. Similarity with the Shakespearean tragedy exists even in the pattern of the plot – the protagonist's death does not form the finale of the play, but only the beginning of the road to the dramatic end.

The author also presents his Russian translation of Heywood's play ([Act I](#)).

В. А. Колесник
(ПСТГУ, Москва)

Натан Филд и театральная полемика раннестюартовской Англии*

Полемика вокруг театра в Англии XVI–XVII вв. — сложное явление, несводимое к конфликту якобы ненавидящих театр пуритан и защищающих его гуманистов. Обе стороны получали во многом схожее образование, цитировали одни и те же тексты и в чем-то разделяли позиции друг друга. Хорошим примером такого пересечения может быть Натан Филд (1587–1619/20) — актер и драматург, сын пуританского священника. Доклад посвящен его письму в ответ на критику театра Томасом Саттоном, священником церкви в Саутуорке.

Viktoria A. Kolesnik
(PSTGU, Moscow)

Nathan Field and Theatrical Debates in Early Stuart England*

Antitheatrical polemics in 16th and 17th century England has now come to be seen as a complex phenomenon which cannot be reduced to a mere conflict between allegedly universally theatre-hating “Puritans” and its humanist defenders. Both parties had been similarly educated, read and quoted the same texts and could share some of the others’ opinions. A good example of such overlapping is the work of playwright and actor Nathan Field (1587–1619/20), who was a son of a Puritan minister. The paper looks at *Field the Players Letter to Mr Sutton, Preacher att St Mary Overs* — his written response to a vocal critic of theatre.

* Доклад подготовлен в рамках проекта «Генезис литературного текста в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени: взаимодействие стилей и жанров» при поддержке Фонда развития Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

* The paper was prepared within the framework of the project “Genesis of Literary Texts in the Late Middle Ages and Early Modern Period: Interaction of Styles and Genres” supported by PSTGU Development Foundation.

Г. М. Кружков
(РГГУ, Москва)

**Перевод малоизвестной пьесы Томаса Мидлтона
“The Triumph of Virtue”**

Много лет назад, когда я работал в Шекспировской библиотеке в Вашингтоне, мне попался в руки томик, изданный в XIX в., в котором было несколько маленьких пьес шекспировского времени. Мы привыкли к тому, что пьесы того времени для публичного театра имели по пять актов и занимали в представлении довольно много времени. Но, оказывается, был и другой жанр: он культивировался, в частности, в судебных иннах и был весьма подходящ как часть увеселительной программы дня или для исполнения перед обедом в домах знатных вельмож. Такие пьесы должны были быть, наоборот, достаточно короткими, чтобы кушанья не переварились или не остыли. Одна из этих пьес называлась, сколько помню, *The Triumph of Virtue* или как-то так. Я перевел: «Торжествующая добродетель»; автором был указан Томас Мидлтон. Я вам хочу прочесть этот короткий драматический текст, долгое время лежавший у меня без применения.

Grigory M. Kruzhkov
(RSUH, Moscow)

**A Translation of Thomas Middleton's
Little-known Play “The Triumph of Virtue”**

A long time ago, when working in the Shakespeare Library in Washington, D.C., I came across a rare 19th c. collection of Elizabethan plays. We are more accustomed to reading quite long plays from that period, intended for public theatres, and those normally contain five acts. It turns out, however, that there also existed another genre, performed at Inns of Court, among other places, and suited to entertain participants or provide such entertainment to nobles before their dinnertime. These plays had to be brief, otherwise the dishes could be overcooked or grow cool in the kitchen. As I remember, one of such plays was *The Triumph of Virtue*, and it was attributed to Thomas Middleton. Allow me to read my translation that I have never made public till now.

*К. Е. Крылов
(Университет ИТМО, Санкт-Петербург),*

Е. Е. Крылова

(Независимый исследователь, Санкт-Петербург)

**В тени Шекспира или в его фарватере:
как Шекспир помогает популяризации
елизаветинской и яковитской драмы**

Традиционно считается, что талант и популярность Уильяма Шекспира заслоняет от нас других великих драматургов и поэтов времен царствования Елизаветы I и Иакова I. Несмотря на прижизненную популярность Кристофер Марло, Бен Джонсон, Фрэнсис Бомонт, Джон Флетчер являются для обычного читателя в лучшем случае «драматургами шекспировской эпохи».

Между тем, логика развития поп-культуры, в которую сегодня встраивается и классическая литература, требует наличия ясного, узнаваемого символа для любого движения. Таков образ Альберта Эйнштейна для физики и науки вообще, Элвиса Пресли и The Beatles для рок-н-ролла, Михаэля Шумахера для мира автогонок, образ Эрнесто Че Гевары для революции, социализма и противостояния современному обществу потребления. С увлечения такими символами зачастую начинается интерес к тому или иному пласту популярной культуры.

Авторы настоящего доклада ставят перед собой задачу проанализировать, насколько известность Шекспира, исполняющего роль поп-идола для театра эпохи Ренессанса, способствует популяризации творчества своих современников. Представляется, что творчество и образ Шекспира не только не «закрывают» от читателя своих современников, но, напротив, служат своего рода проводником в мир драмы английского Ренессанса.

Konstantin E. Krylov

(ITMO University, St. Petersburg),

Elizaveta E. Krylova

(Independent researcher, St. Petersburg)

**In Shakespeare's Shadow or Right Next to Him:
How Shakespeare Supports Interest in English Renaissance Theatre**

It is often heard that the popularity of Shakespeare represses that the other English Renaissance playwrights'. Christopher Marlowe, Ben Jonson,

Francis Beaumont and John Fletcher are now but 'Shakespeare's contemporaries' for a vast majority of people, although they were very popular in their lifetime.

However, classical literature has become part of popular culture, and the very essence of pop culture requires a vivid and recognizable symbol. Science secured Einstein for this part. Elvis Presley and The Beatles became symbols of rock-n-roll music. We all remember Michael Schumacher when somebody speaks about F1 racing. Ernesto "Che" Guevara's iconic photo is the best thing to mark yourself as an anti-globalist and leftie. Such symbols often provoke an interest in areas of pop culture.

The authors of this paper have attempted to analyze the ways in which Shakespeare's popularity builds up an interest in English Renaissance theatre in general. It seems that Shakespeare's image does not absolutely overshadow Marlowe's, Beaumont's or Fletcher's for us, but serves as a guide to the world of Renaissance theatre.

*А. В. Лампасова
(РИТИ – ГИТИС, Москва)*

**«Маска о черноте» Бена Джонсона и Иниго Джонса –
первый театр иллюзии при английском дворе**

В английском придворном театре XVII в. художник Иниго Джонс был создателем барочных сценических нововведений и нового типа театрального пространства, а также реформатором сценической техники. В сотрудничестве с драматургом Беном Джонсоном он перевел жанр придворной маски из области развлечений в сферу искусства. Основой доклада является анализ сценических нововведений И. Джонса как воплощения эстетики барокко и начала движения к новой театральной системе в английском театре – на примере первого оформленного художником придворного зрелища «Маска о черноте».

В начале XVII в. прежняя ренессансная картина мира сменяется новым пониманием мироздания и места человека в нем. Небывалый расцвет философии и науки происходит одновременно с открытиями множества миров, а также понятий бесконечно малого и бесконечно далекого. Одновременно со стремительными изменениями совершенство начинает видаться в непрерывном движении и трансформациях, заменяющих собой ренессансный идеал человека, прочно стоящего на земле

и устремленного к небу. Новое мировоззрение эпохи воплощается в формировании нового типа театра.

Б. Джонсон и И. Джонс в «Маске о черноте» являют перед глазами зрителей образы меняющейся, вечной жизни: море в непрерывном движении и небо в воздушных и световых превращениях. Вместе с иллюзией подвижных безграничных пространств маска приобщает зрителей к жизни мгновения. Динамика вступала в действие в «Маске черноты» до его непосредственного начала — через падающий живописный занавес, который был применен в английском театре впервые. С помощью смены пейзажей художник мгновенно перемещал зрителей в другие места — при этом актеры и маскированные оказывались вовлечены в живописные и световые метаморфозы.

Главным нововведением И. Джонса были перспективные декорации, сосредотачивающие все действие в одном месте, и сценические превращения, пробуждающие в неподвижном зрителе вовлеченное, активное созерцание. Отказавшись от статики театрального оформления, он начал реформу театрального пространства. Первая театральная работа Джонса показала, что благодаря его деятельности художник в английском придворном театре становится ключевой фигурой и создает ту систему декорационного оформления, с которой мы имеем дело до сих пор.

Anna V. Lampasova
(RITA – GITIS, Moscow)

“The Masque of Blackness” by Ben Jonson and Inigo Jones as the First Theater of Illusion at the English Court

In the English court theater of the 17th century, Inigo Jones was the creator of Baroque stage innovations and a new type of theater space, as well as a reformer of stage technology. In collaboration with the playwright Ben Jonson he transferred the genre of court masque from entertainment to art. My paper examines I. Jones' stage innovations as the embodiment of Baroque aesthetics and the beginning of the movement towards a new theater system in the English theater, as illustrated by *The Masque of Blackness*.

In the early 17th century, the Renaissance picture of the world was replaced by a new understanding of the universe and man's place in it. The unprecedented flourishing of philosophy and science occurred simultaneously with the discoveries of many worlds, as well as the concepts of the infinitely small and infinitely distant. Along with rapid changes, a certain perfection

was found in constant movement and transformations, replacing the Renaissance ideal of a person who stands firmly on the earth and looks up at the sky. The new worldview of the era was embodied in the formation of a new type of theater.

In *The Masque of Blackness* B. Jonson and I. Jones created images of a changing, eternal life: the sea in continuous motion and the sky in transformations of air and light. Together with the illusion of moving, the masque introduced the audience to the life of this very moment. The dynamics were effected in *The Masque of Blackness* before the performance proper, through the descent of a picturesque curtain. With the help of changing landscapes, the artist instantly moved the audience to other places. The actors were involved in pictorial and light metamorphoses too.

The main innovation of I. Jones was his perspective-based scenery that concentrated all the action in one place, and stage transformations, awakening active contemplation in the spectator. Abandoning a static theatrical design, he began the reform of the theater space. The first theatrical work of Jones showed that the stage designer in the English court theater was becoming a key figure to create the kind of scenery that we have used since then.

И. И. Лисович

(РАНХиГС, МосГУ, Москва)

«Мудрый правитель» в пьесах К. Марло и У. Шекспира*

Политические, религиозные и социокультурные трансформации в Европе раннего Нового времени породили полемику о природе и цели власти и государства, о подданных, гражданах и правителях. Никколо Макиавелли обозначает власть как основную цель правителя, а войну — основное средство удержания власти: «...государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого. Военное искусство наделено такой силой, что позволяет не только удержать власть тому, кто рожден государем, но и достичь власти тому, кто родился простым смертным. И наоборот, когда государи помышляли больше об удовольствиях, чем о военных упражнениях, они теряли и ту

* Доклад подготовлен в рамках проекта «Кристофер Марло и его творчество в русской и мировой культуре: междисциплинарный взгляд» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00679).

власть, что имели. Небрежение этим искусством является главной причиной утраты власти, как владение им является главной причиной обретения власти».

Трактаты Макиавелли, давшие образ политика, выходящий за пределы библейских и римских образцов, стали предметом активной рефлексии европейцев, попытавшихся противопоставить ему идеальное государство, идеальных граждан и идеального правителя (Томмазо Кампанелла, Жан Боден, Фрэнсис Бэкон и др.). Опорой в этой полемике нередко были тексты Аристотеля и Платона. Политики-макиавеллисты проникают и в литературные тексты, в том числе, в пьесы К. Марло и У. Шекспира. Но несмотря на то, что слово «Макиавелли» стало нарицательным для обозначения циничного, коварного и ловкого политика (сочинения Макиавелли решением Тридентского собора (1559) попали в «Индекс запрещенных книг»), в его самом известном трактате «Государь» (опубл. в 1532), посвященном Лоренцо ди Медичи, автор около 30 раз упоминает слово «мудрый» применительно к идеальному правителю (*Principe prudente*). Какими же чертами наделяют «мудрого государя» участники этой полемики?

Inna I. Lisovich

(РАНЕРА, МосУИ, Moscow)

**“Wise Sovereign” in the Plays of
C. Marlowe and W. Shakespeare***

The political, religious and sociocultural transformations in Europe of early modern time gave rise to a polemic about the nature and purpose of authorities and the state, about their subjects, citizens and rulers. Niccolò Machiavelli denotes power as the main goal of the Prince, and war as the main means of maintaining power: “...the prince should have no other thoughts or cares, no other business but war, military regulations and the military science, for war is the only duty that the ruler cannot assign to another. The military art is endowed with such power that it allows not only to hold authority to one born as the sovereign, but also to gain power to one born as a mere mortal. And vice versa, when the sovereigns thought more about pleasures than about military exercises, they lost the power they had. Neglect of this art

* The paper was prepared within the framework of the project “Christopher Marlowe and His Literary Heritage in Russian and World Culture: An Interdisciplinary Look” with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 18-012-00679).

is the main cause of loss of power, and likewise possession of it is the main source of gaining power.”

The treatises of Machiavelli, giving the image of a politician who rejects the biblical and Roman models of behavior, became the subject of active reflection of Europeans who tried to oppose him with an ideal state, ideal citizens and an ideal ruler (Tommaso Campanella, Jean Bodin, Francis Bacon, et al.). In this debate, they would refer to the texts of Aristotle and Plato. Machiavellian politicians entered literary works, including the plays of C. Marlowe and W. Shakespeare. But despite the fact that the name of “Machiavel” became a household word for a cynical, insidious and clever politician (and Machiavelli’s books, by the decision of the Council of Trent (1559), were included in the Index Librorum Prohibitorum), in his most famous treatise *Il Principe* (*The Prince*; published in 1532 with a dedication to Lorenzo di Medici), the author applies the word “wise” (*Principe prudente*) to the ideal ruler about 30 times. What features did the participants in this debate connect with the “wise sovereign”?

В. С. Макаров
(ПСТГУ, Москва)

**«Мера за меру»: Шекспир в диалоге
с младшими современниками***

«Мера за меру» — популярный у современных шекспироведов текст, привлекающий уже самой своей сложностью, неоднозначностью героев и проблем. Кроме глубокого религиозного смысла, представленного уже в самом названии, важно видеть в этой «проблемной пьесе» взаимодействие с жанром «драматической сатиры», который развивали младшие современники Шекспира, прежде всего Дж. Марстон и Т. Миддлтон. Перенимая у них сюжетные ходы, типы персонажей и некоторые жанровые детали, У. Шекспир, тем не менее, создает уникальное произведение в традициях своей собственной поэтики.

* Доклад подготовлен в рамках проекта «Генезис литературного текста в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени: взаимодействие стилей и жанров» при поддержке Фонда развития Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Vladimir S. Makarov
(PSTGU, Moscow)

**“Measure for Measure”:
Shakespeare in Dialogue with His Younger Contemporaries***

Measure for Measure is an exceedingly popular text among Shakespeare scholars, many of whom are attracted by the very complexity and ambivalence of its characters and problems. It is now a staple of Shakespearean studies to see it as a deeply religious play, the proof of which lies in its title. Another thing – often, sadly, missed – is how this problem play interacted with the genre of ‘dramatic satire’ developed by Shakespeare’s younger contemporaries, especially John Marston and Thomas Middleton. Having borrowed some of the plot elements, character types and genre details from them, Shakespeare in response created a unique text largely within a tradition of his own.

Н. Э. Микеладзе
(МГУ, Москва)

**Кому «свой меч вручает Бог»?
(Шекспир и епископ Билсон)**

В докладе исследуются и сравниваются образы облеченного «Божьим мечом» правителя, нарисованные в проповеди епископа Уинчестерского на коронации Якова I и в пьесе Шекспира «Мера за меру».

Natalia E. Mikeladze
(MSU, Moscow)

**“He who the sword of heaven will bear”?
(Shakespeare and Bishop Bilson)**

The paper studies and compares the images of a ruler bearing the Lord’s sword in the sermon of the Bishop of Winchester at the coronation of James I and in Shakespeare’s play *Measure for Measure*.

* The paper was prepared within the framework of the project “Genesis of Literary Texts in the Late Middle Ages and Early Modern Period: Interaction of Styles and Genres” supported by PSTGU Development Foundation.

Я. Ю. Муратова

(Литинститут им. А. М. Горького, Москва)

**Рецепция мифа о Елизавете и «елизаветинского века»
в елизаветинской Англии XX века
в романе А. С. Байетт «Дева в саду»**

В романе А. С. Байетт «Дева в саду» (1978) предлагается посмотреть на Англию после коронации Елизаветы II (2 июня 1953 г.) сквозь призму «золотого века» Елизаветы I. Параллель между двумя елизаветинскими эпохами, которая была предложена средствами медиа в тот период, рассматривается автором с точки зрения бытования мифа о Елизавете I в современной британской культуре.

С образом английской королевы в романе тесно связан неофрейдистский миф о Женщине, разработанный Дональдом Винникоттом (1896–1971), что позволяет автору поднять вопрос о социальном статусе женщины в середине XX столетия в целом. Образ Елизаветы I предстает как загадка и как некий идеал, к которому стремится главная героиня книги Фредерика Поттер. Поэтому в романе появляется сравнение Фредерики с воинственной девой Бритомарт из эпической поэмы Э. Спенсера «Королева фей». На уровне образно-метафорическом Байетт вводит в роман широкий спектр елизаветинских поэтических и драматических текстов, таких, например, как вышеуказанная поэма Спенсера или шекспировская «Буря», и живописную иконографию Елизаветы Тюдор.

Квинтэссенцией размышлений о применимости и содержательности мифа о «золотом веке» Елизаветы в отношении нового «елизаветинского периода» становится историческая пьеса «Астрея» одного из персонажей романа, драматурга Александра Уэддеборна, написанная в духе ренессансных костюмированных процессий (pageant).

Yaroslava Yu. Muratova

(Maxim Gorky Litinstitute, Moscow)

**Reception of the Elizabethan Myth and “Golden Era” in the
Elizabethan England of the 20th Century in
“The Virgin in the Garden” by A. S. Byatt**

In her novel *The Virgin in the Garden* (1978) A. S. Byatt attempts to look at England after the coronation of Elizabeth II (June 2, 1953) in terms of the “golden era of Elizabeth I”. The author considers the parallel between the two

Elizabethan epochs, which was initially constructed by media at the time of the succession, and how the myth about Elizabeth II is represented in contemporary British culture.

In the novel, the image of the Queen of England is tightly connected with the Neo-Freudian myth of Woman, developed by Donald Winnicott (1896–1971) and refers to the issues of women's social status in the middle of the 20th century. The image of Elizabeth I rises in the book both as a riddle and an ideal for the principal character of Frederica Potter. Hence the comparison of Frederica with the warlike maiden of Britomart from E. Spenser's *The Fairy Queen*. Byatt introduces a vast range of Elizabethan poetical and dramatic texts, such as Spenser's epic and Shakespeare's *The Tempest*, as well as the Queen's iconography in painting.

The historical play *Astrea*, written by one of the novel's key characters, the playwright Alexander Wedderburn and bringing to mind Renaissance pageants, is at the core of the book and carries the author's reflections about applicability and efficiency of the "Elizabethan golden era" myth in the context of the new Elizabethan reign.

В. А. Рогатин
(РГУ им. С. А. Есенина, Рязань)

Попытка хроники в творчестве Бена Джонсона: сочетание психологической драмы и классицизма

Долгая творческая активность Бена Джонсона позволила ему объединить в своем творчестве едва ли не полярно противоположные характеристики драмы Нового времени: системность в оценке истории культуры и гордость современными достижениями, народность как учет интересов разных слоев публики, европейскую продуманность перипетий, неоднозначность и диалектичность сценических персонажей, изысканный язык их чувств. Он стал для своего поколения читающей публики проводником в мир шекспировского наследия и, несмотря на некоторую декларативность стихотворного введения, сделал значительную попытку обосновать его, прежде всего, как драматурга.

В творчестве самого Джонсона можно наблюдать целый ряд переходов: от имитации итальянских комедий *dell'arte* к англолизации тех же самых сюжетов и адаптации персонажей к лондонским кокни, от «ученых» римских трагедий, написанных строго по Тациту и Саллюстию, к «низким» комедиям о шарлатанах и невменяемых провинциалах в столице.

Исследователи относят набросок исторической хроники Б. Джонсона «Падение Мортимера» к разным периодам. Согласно информации издателей посмертного собрания сочинений поэта-лауреата (1641), он умер в 1637 г. за работой над этим текстом. Однако, поскольку единственный период значительного интереса драматурга к историческим сюжетам выпал на 1602-1604 гг., также были высказаны аргументы в пользу атрибуции «Мортимера» ко времени смены династий: тогда обращение к давней и безобидной истории давало бы некоторую гарантию безопасности от тенденциозных истолкований текстов и репрессий в театральной среде. Можно отметить и то, что и начало римских трагедий Шекспира также относится к приблизительно тому же периоду.

Одновременно этот малый фрагмент (краткое содержание хроники и начало первой сцены) дает повод для истолкования текста как переклички с У. Шекспиром — автором хроник, по поводу возможной трансформации затухающего драматического жанра в новой исторической обстановке. Следует отметить, что джонсоновское направление исторической драмы содержит заявку на элементы классической формы, которые у самого Шекспира никогда полностью не реализовывались. Это доказывает нацеленность Джонсона на наметившийся в культуре переход к новой эстетике.

Vladimir A. Rogatin

(RSU named for S. A. Esenin, Ryazan)

Ben Jonson's Fragment "Mortimer His Fall": Psychology and Early Classicism in Drama

Ben Jonson's long creative life allowed him to combine nearly polar characteristics of new drama in his work: consistency in assessing the history of culture and pride in current social achievements, popular success due to taking the interests of different layers of the public into account, his "continental" care about the turns of the plot, ambiguity and dynamics of stage characters, exquisite speech expression of their feelings. For the next generation of readers, he became the one guide to Shakespearean heritage and, despite some declarative poetics in his introductory address to Shakespeare's 1623 Folio, he made this earnest attempt, presenting Shakespeare primarily as a playwright.

In Ben Jonson's works, we observe a whole series of transformations: from imitating the Italian *commedia dell'arte* to refashioning the same plot in English and adapting his characters to Cockneys, from the "scholarship" of Roman tragedies (written strictly according to Tacitus and Sallust) to "low-life" comedies about frauds and weird provincials visiting London.

Researchers cannot agree about attributing Ben Jonson's only surviving fragment in the genre of historical drama, *Mortimer His Fall*, to a single period. According to the publishers of the posthumous collected works of the Poet Laureate (1641), he died in 1637 still working on this text. However, since the playwright's only period of paramount interest in historical subjects happened to occur in years 1602–04 (*Sejanus His Fall* and *Catiline His Conspiracy*), arguments are also made in favor of its attribution to the period of dynastic change, for at that time, turning to a long and harmless history plot would provide some guarantee of safety against biased interpretations of texts and repression of the theatrical troupe. We can note that Shakespeare's Roman tragedies also originated at approximately the same time.

Also, this short beginning (list of scenes and the beginning of the first dialog) gives rise to interpretation of the text as a posthumous dialog with William Shakespeare as the author of history dramas and Jonson's intention to transform the outdated dramatic genre, in a new historical setting. It should be noted that the Jonsonian way for historical drama presupposes use of Classicist elements that Shakespeare had never fully employed. This proves Jonson's focus on the transition to a new aesthetic system that he saw emerging in contemporary culture.

*Е. В. Халтрин-Халтурина
(ИМЛИ РАН, Москва)*

О репутации Спенсера и Шекспира: англоязычный и русскоязычный ареалы

Перечисляя современников Шекспира, англоязычные ученые обычно останавливаются на именах тех авторов, которые были весьма близки кругу Шекспира и потому оказались в тени его блестящей фигуры. Многие из них — драматурги, со многими он конкурировал и сотрудничал. Так, в неоднократно переиздававшейся монографии 1960-х гг. «Шекспировские современники»¹ перечисляются имена Джона Лили, Роберта Грина, Томаса Кида, Кристофера Марло, Бена Джонсона, Джона Вебстера, Джона Флетчера, Томаса Мидлтона, Уильяма Роули и др.

Эдмунду Спенсеру в той книге не отводится персональной главы, потому что в английской традиции Спенсер занимает совершенно особое и очень видное место наряду с Чосером, Шекспиром и Милтоном.

¹ Shakespeare's contemporaries / ed. by M. Bluestone, N. Rabkin, intr. by A. Harbage. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1961. xviii, 300 p.

Спенсера нередко называют одним из «четырех китов» английской литературы. При этом хронологически Спенсер (1552/1553–1599) и Шекспир (1564–1616) — истинные современники. Спенсер был всего на 12–13 лет старше Шекспира, и все его знаменитые произведения выходили в годы, когда Шекспир создавал свои ранние пьесы. В России — в культуре иного языка — понимание значимости Спенсера сильно отличается от британского и североамериканского, так как его достижения рассматриваются на фоне иного корпуса текстов (в том числе переводных). Вот почему на сегодняшний день Спенсер остается заслонен славной фигурой Шекспира, которого чрезвычайно много переводят. В настоящем докладе предполагается краткий обзор специальных трудов, в которых соотносятся аспекты творчества Спенсера и Шекспира. Будут прокомментированы некоторые особенности рецепций елизаветинской литературы в англоязычном и русскоязычном ареалах; в частности, — разные подходы к «метафизической» и «реалистической» составляющим позднего английского Ренессанса.

Elena V. Haltrin-Khalturina
(Gorky IWL (IMLI) RAS, Moscow)

On the Reputation of Spenser and Shakespeare in English- and in Russian-language Studies

When considering Shakespeare's contemporaries, scholars from the Anglophone world will list authors who were quite close to Shakespeare and came to be obscured by his brilliance. Many of those authors were playwrights; some were his rivals or collaborators. For instance, in the 1960s study of *Shakespeare's Contemporaries*¹ (multiple editions) included the following contemporaries: John Lyly, Robert Greene, Thomas Kyd, Christopher Marlowe, Ben Jonson, John Webster, John Fletcher, Thomas Middleton, William Rowley, et al.

Edmund Spenser was not allotted a separate chapter in that book, since he holds a very prominent place in English letters, akin to Chaucer, Shakespeare, and Milton. Spenser is often considered to be one of the “four whales” on which English literature stands. Yet, strictly chronologically speaking, Spenser (1552/1553–1599) and Shakespeare (1564–1616) were true contemporaries, Spenser being about 13 years Shakespeare's senior. Spenser's famous works were released in the same decades when Shakespeare released his early plays. In Russian culture, Spenser's significance is played down, because

¹ *Shakespeare's contemporaries* / ed. by M. Bluestone, N. Rabkin, intr. by A. Harbage. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1961. xviii, 300 p.

his achievements are measured against another major body of texts (including translations). Hence, as of now, Spenser's image is almost completely overshadowed by the much-admired and much-translated Shakespeare. In this paper, I offer a concise overview of scholarly works dealing with both Spenser and Shakespeare. I comment upon the British / American and the Russian reception of Elizabethan literature. In particular, my focus is on various approaches to the 'metaphysical' and 'realistic' aspects of late English Renaissance.

И. И. Чекалов

(Независимый исследователь, Санкт-Петербург)

**Перцептивная аберрация у шекспировского Ромео
и марстоновского Антонио**

В статье рассматривается комедия Джона Марстона (1576–1634) «Антонио и Меллида» (1599). В ней имеются указания текста, свидетельствующие о том, что она была задумана как пародия на шекспировскую трагедию «Ромео и Джульетта» (постановка 1595, первая публикация 1597).

Ivan I. Chekalov

(Independent researcher, St. Petersburg)

**The Perceptive Aberration of Shakespearean Romeo and
Marstonian Antonio**

The paper deals with John Marston's comedy *Antonio and Mellida* (1599) which contains a textual evidence disclosing that it was conceived as a parody of the Shakespearean tragedy *Romeo and Juliet* (staged in 1595, first published in 1597).

Н. В. Шупилова

(ПСТГУ, Москва)

**К вопросу о внешности Тамерлана:
биографические источники и их интерпретация в пьесах К. Марло***

В докладе рассматриваются основные биографические источники сведений о Тимуре, к которым мог обращаться Кристофер Марло при работе над пьесой «Тамерлан» и которые повлияли на создание образа

* Доклад подготовлен в рамках проекта «Кристофер Марло и его творчество в русской и мировой культуре: междисциплинарный взгляд» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00679).

протагониста, в особенности его внешности. Хотя более аутентичные восточные источники не были известны в Европе в переводах до XVII в., Марло был доступен довольно широкий набор европейских исторических текстов (Халкокондил, Боден, Мехиа, Фрегозо, Биццарри и др.) Подробное описание внешности Тамерлана было известно Марло по трактату Пьетро Перондини «Жизнь Тамерлана Великого, императора скифов». В докладе проводится сопоставление поэтического текста Марло с описанием Перондини, что позволяет продемонстрировать, какие ключевые характеристики Марло непосредственно заимствует у историка (рост, физическая сила, взгляд), а какие представляют собой более сложное соединение нескольких традиций.

Natalia V. Shipilova
(PSTGU, Moscow)

**Tamburlaine's Appearance Revisited:
Christopher Marlowe's Interpretation of Biographical Sources***

The paper addresses the main biographical sources of information about Amir Timur (Tamerlane) which were available to Marlowe during his work on the dramas of *Tamburlaine* and could influence the image of his protagonist, focusing on his appearance. Although authentic Oriental sources were not translated into European languages until the 17th century, Marlowe was able to use a fairly wide range of European historical texts (Chalcondyles, Bodin, Fregoso, Bizzarri, and others.) A detailed description of Tamerlane's appearance was available to Marlowe through Pietro Perondini's *Magni Tamerlanis Scytharum imperatoris vita*. The paper compares Marlowe's poetic text with Perondini's portrait of Tamerlane, which allows us to demonstrate which key characteristics were directly borrowed from the historian (such as height, physical strength, eyes) and which represent a more complex combination of several traditions.

* The paper was prepared within the framework of the project "Christopher Marlowe and His Literary Heritage in Russian and World Culture: An Interdisciplinary Look" with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 18-012-00679).

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ

Артемяева Людмила Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации факультета гуманитарных наук Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина.

Баранов Александр Николаевич — заместитель заведующего отделом Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, заслуженный работник культуры РФ (Москва).

Бартошевич Алексей Вадимович — доктор искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник сектора современного искусства Запада Государственного института искусствознания, заведующий кафедрой истории зарубежного театра Российского института театрального искусства — ГИТИС, заслуженный деятель науки РФ, председатель Шекспировской комиссии при научном совете «История мировой культуры» РАН (Москва).

Волкова Анна Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры исторических и церковно-практических дисциплин Калужской духовной семинарии.

Гайдин Борис Николаевич — кандидат философских наук, начальник научно-исследовательского отдела цифровых технологий Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, член-корреспондент Международной академии наук (IAS, Инсбрук, Австрия).

Гик Анна Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук (Москва).

Гринина Елена Николаевна — аспирант факультета теории и истории искусств Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при Российской академии художеств.

Егорова Людмила Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета.

Захаров Николай Владимирович — доктор философии (PhD), кандидат филологических наук, директор Шекспировского центра Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук, Австрия), ученый секретарь Шекспировской комиссии РАН.

Иванов Дмитрий Анатольевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Ковалев Виктор Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Колесник Виктория Андреевна — магистрант кафедры германской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва).

Кружков Григорий Михайлович — кандидат филологических наук, доктор философии (PhD), профессор кафедры теории и практики перевода Российского государственного гуманитарного университета, поэт, переводчик (Москва).

Крылов Константин Евгеньевич — корреспондент новостного портала Университета ИТМО, историк (Санкт-Петербург).

Крылова Елизавета Евгеньевна — искусствовед, журналист, независимый исследователь (Санкт-Петербург).

Лампасова Анна Владимировна — аспирант театроведческого факультета Российского института театрального искусства — ГИТИС (Москва).

Лисович Инна Ивановна — доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин факультета экономических и социальных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета.

Макаров Владимир Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва).

Микеладзе Наталья Эдуардовна — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Муратова Ярослава Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Литературного института имени А. М. Горького (Москва).

Рогатин Владимир Анатольевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Халтрин-Халтурина Елена Владимировна — доктор филологических наук, доктор философии (PhD), ведущий научный сотрудник Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения Института мировой литературы А. М. Горького РАН (Москва).

Чекалов Иван Иванович — кандидат филологических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург).

Шпилова Наталия Витальевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германской филологии филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва).

CONFERENCE PARTICIPANTS

Lyudmila S. Artemjeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Language Professional Communication, Faculty of Humanities, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

Alexander N. Baranov, Deputy Department Head, Pushkin State Museum of Fine Arts, Honored Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Alexey V. Bartoshevich, Doctor of Art Studies, Professor, Chief Researcher, Modern Western Art Sector, State Institute for Art Studies; Chair, Department of History of Foreign Theater, Russian Institute of Theatre Arts – GITIS, Honoured Scholar of the Russian Federation; Chairman of the Shakespeare Committee, Russian Academy of Sciences (Moscow).

Ivan I. Chekalov, Candidate of Philology, independent researcher (St. Petersburg).

Liudmila V. Egorova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Language, Vologda State University.

Elena V. Haltrin-Khalturina, Doctor of Philology, PhD, Leading Research Fellow, Department of Classical Western Literatures and Comparative Literary Studies, Gorky Institute of World Literature (IMLI), Russian Academy of Sciences (Moscow).

Boris N. Gaydin, Candidate of Philosophy, Head, Research Department of Digital Technologies, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Associate Member, International Academy of Science (IAS, Innsbruck, Austria).

Anna V. Gik, Candidate of Philology, Senior Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Moscow).

Elena N. Grinina, Post-graduate Student, Faculty of the Theory and History of Arts, Ilya Repin St. Petersburg State Academic Institute of Fine Arts, Sculpture and Architecture, Russian Academy of Arts.

Dmitry A. Ivanov, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

Viktoria A. Kolesnik, Masters' Student, Faculty of Philology, St. Tikhon's Orthodox University (Moscow).

Victor A. Kovalev, Candidate of History, Associate Professor, Department of Law Theory and Law Enforcement Activities, Faculty of Law, St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.

Grigory M. Kruzhev, PhD, Candidate of Philology, Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Russian State University for the Humanities, poet, translator (Moscow).

Elizaveta E. Krylova, art historian, journalist, independent researcher (St. Petersburg).

Konstantin E. Krylov, reporter, news media "ITMO.NEWS", ITMO University, historian (St. Petersburg).

Anna V. Lampasova, Post-graduate Student, Faculty of the Theatre Studies, Russian Institute of Theatre Arts – GITIS (Moscow).

Inna I. Lisovich, Doctor of Culturology, Candidate of Philology; Professor, Department of Humanities and Social Sciences; Faculty of Economic and Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor, Department of Philosophy, Culturology and Politology, Moscow University for the Humanities.

Vladimir S. Makarov, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Germanic Philology, Faculty of Philology, St. Tikhon's Orthodox University (Moscow).

Natalia E. Mikeladze, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Journalism and Literature, Lomonosov Moscow State University.

Yaroslava Yu. Muratova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Literature, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing (Litinstitute) (Moscow).

Vladimir A. Rogatin, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Natalia V. Shipilova, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Germanic Philology, Faculty of Philology, St. Tikhon's Orthodox University (Moscow).

Anna G. Volkova, Candidate of Philology, Associate Professor for the Chair of Church and Historical Studies, Kaluga Orthodox Theological Seminary.

Nikolay V. Zakharov, PhD, Candidate of Philology; Director, Shakespeare Centre, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; full member, International Academy of Science (Innsbruck, Austria); Academic Secretary, Shakespeare Committee, Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

«СОВРЕМЕННОКИ ШЕКСПИРА: ВЫЙТИ ИЗ ТЕНИ БАРДА?»	4
<i>Л. С. Артемьева</i>	
Что такое быть Шекспиром: изображение современников Шекспира в массовой литературе.....	7
<i>Lyudmila S. Artemjeva</i>	
What Does It Mean to Be Shakespeare: Shakespeare's Contemporaries in Pulp Fiction	7
<i>А. Г. Волкова</i>	
«Храм» Джорджа Герберта: проблема жанра и композиции.....	8
<i>Anna G. Volkova</i>	
“The Temple” by George Herbert: The Problem of Genre and Structure.....	9
<i>Б. Н. Гайдин</i>	
Источники сюжета кинокартины «Урок Фауста» Я. Шванкмайера: народная легенда, К. Марло, И. В. Гёте*	10
<i>Boris N. Gaydin</i>	
Sources of J. Švankmajer's Film “A Faust Lesson”: Folk Legend, C. Marlowe, J. W. von Goethe	10
<i>А. В. Гук</i>	
Шекспир в критических текстах, поэтических произведениях и переводах М. Кузмина	11
<i>Anna V. Gik</i>	
Shakespeare in Critical Texts, Poetic Works and Translations by M. Kuzmin.....	12
<i>Е. Н. Гринина</i>	
Пьесы У. Шекспира в жанре квест. Эксперименты петербургских художников драматического театра.....	13
<i>Elena N. Grinina</i>	
Shakespeare's Plays Performed as Quests. Experiments of St. Petersburg Stage Designers	14
<i>Л. В. Егорова</i>	
Роберт Саутвелл. Возвращение	15
<i>Liudmila V. Egorova</i>	
Robert Southwell: To Step Out of the Shadows.....	16
<i>Н. В. Захаров</i>	
К. Марло и развлекательно-познавательная туриндустрия.....	18

<i>Nikolay V. Zakharov</i>	
C. Marlowe and Edutainment Tourist Industry	18
<i>Д. А. Иванов</i>	
Психология мести в «Испанской трагедии» Т. Кида и трагедии «Тит Андроник» У. Шекспира	18
<i>Dmitry A. Ivanov</i>	
Psychology of Revenge in Thomas Kyd's "The Spanish Tragedy" and William Shakespeare's "Titus Andronicus"	19
<i>В. А. Ковалев</i>	
Республика на сцене, монархия в зале. Формирование неоримского дискурса и «Поругание Лукреции» Томаса Хейвуда	21
<i>Victor A. Kovalev</i>	
Republic on Stage, Monarchy in the House: Construction of the Neo-Roman Discourse and Thomas Heywood's "The Rape of Lucrece"	22
<i>В. А. Колесник</i>	
Натан Филд и театральная полемика раннестюартовской Англии	23
<i>Viktoria A. Kolesnik</i>	
Nathan Field and Theatrical Debates in Early Stuart England	23
<i>Г. М. Кружков</i>	
Перевод малоизвестной пьесы Томаса Мидлтона "The Triumph of Virtue"	24
<i>Grigory M. Kruzhkov</i>	
A Translation of Thomas Middleton's Little-known Play "The Triumph of Virtue"	24
<i>К. Е. Крылов, Е. Е. Крылова</i>	
В тени Шекспира или в его фарватере: как Шекспир помогает популяризации елизаветинской и яковитской драмы.....	25
<i>Konstantin E. Krylov, Elizaveta E. Krylova</i>	
In Shakespeare's Shadow or Right Next to Him: How Shakespeare Supports Interest in English Renaissance Theatre	25
<i>А. В. Лампасова</i>	
«Маска о черноте» Бена Джонсона и Иниго Джонса — первый театр иллюзии при английском дворе	26
<i>Anna V. Lampasova</i>	
"The Masque of Blackness" by Ben Jonson and Inigo Jones as the First Theater of Illusion at the English Court.....	27
<i>И. И. Лисович</i>	
«Мудрый правитель» в пьесах К. Марло и У. Шекспира	28

<i>Inna I. Lisovich</i>	
“Wise Sovereign” in the Plays of C. Marlowe and W. Shakespeare	29
<i>В. С. Макаров</i>	
«Мера за меру»: Шекспир в диалоге с младшими современниками.....	30
<i>Vladimir S. Makarov</i>	
“Measure for Measure”: Shakespeare in Dialogue with His Younger Contemporaries*	31
<i>Н. Э. Микеладзе</i>	
Кому «свой меч вручает Бог»? (Шекспир и епископ Билсон)	31
<i>Natalia E. Mikeladze</i>	
“He who the sword of heaven will bear”? (Shakespeare and Bishop Bilson)	31
<i>Я. Ю. Муратова</i>	
Рецепция мифа о Елизавете и «елизаветинского века» в елизаветинской Англии XX века в романе А. С. Байетт «Дева в саду»	32
<i>Yaroslava Yu. Muratova</i>	
Reception of the Elizabethan Myth and “Golden Era” in the Elizabethan England of the 20th Century in “The Virgin in the Garden” by A. S. Wyatt	32
<i>В. А. Рогатин</i>	
Попытка хроники в творчестве Бена Джонсона: сочетание психологической драмы и классицизма	33
<i>Vladimir A. Rogatin</i>	
Ben Jonson’s Fragment “Mortimer His Fall”: Psychology and Early Classicism in Drama.....	34
<i>Е. В. Халтрин-Халтурина</i>	
О репутации Спенсера и Шекспира: англоязычный и русскоязычный ареалы.....	35
<i>Elena V. Haltrin-Khalturina</i>	
On the Reputation of Spenser and Shakespeare in English- and in Russian-language Studies.....	36
<i>И. И. Чекалов</i>	
Перцептивная аберрация у шекспировского Ромео и марстоновского Антонио	37
<i>Ivan I. Chekalov</i>	
The Perceptive Aberration of Shakespearean Romeo and Marstonian Antonio	37

Н. В. Шпилова

К вопросу о внешности Тамерлана: биографические источники и их интерпретация в пьесах К. Марло..... 37

Natalia V. Shipilova

Tamburlaine's Appearance Revisited: Christopher Marlowe's Interpretation of Biographical Sources..... 38

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ 39

CONFERENCE PARTICIPANTS 42

Научное издание

**Всероссийская научная конференция
«СОВРЕМЕННОКИ ШЕКСПИРА:
ВЫЙТИ ИЗ ТЕНИ БАРДА?»
АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ
15 ноября 2019 г.**

Подписано в печать 30.10.2019 г. Формат 60×84 1/16

Печ. л. 3,0. Тираж 150. Заказ № 118.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Московского гуманитарного университета
111395, Москва, ул. Юности, 5.